

**ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЁРЫ
И ИДЕЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВА-“БУФЕРА”
В КОНЦЕ 1919 – НАЧАЛЕ 1920 г.:
ШАНС НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫЖИВАНИЕ?***

В статье анализируются идеологические установки двух основных социалистических партий России – социалистов-революционеров и социал-демократов (меньшевиков) на излёте российской Гражданской войны. В этот период в отдельно взятом регионе страны – Дальнем Востоке – в связи с замыслом построить внешне независимое от “красной” Москвы “буферное” государство у “серединных” группировок, казалось, наконец, появилась перспектива осуществить свои политические программы. Однако доктринёрский характер логичных и внешне привлекательных интеллигентских проектов, оторванность демократических идеологий от военно-политических реалий страны и ментальности её населения, организационно-политическое бессилие эсеров и меньшевиков в очередной раз привели идею демократии на российской почве к закономерному печальному финалу. Реальной альтернативы диктатуре в России не оказалось.

***Ключевые слова:** Дальневосточная республика, социалисты-революционеры, социал-демократы, демократия, идея народовластия.*

В основе программных установок партии социалистов-революционеров к концу российской Гражданской войны лежали две взаимосвязанные идеи. Прежде всего, это идея народовластия как высшей политической и гражданской справедливости, некоего оптимального пути действенного и безболезненного решения едва ли не всех сразу общественных противоречий. Во-вторых, эсеры, как революционная и социалистическая партия, пытались достичь социального идеала через установление социализма, понимаемого как власть всех без исключения трудовых слоёв населения России.

В условиях внутренней смуты реализация идеи народовластия означала достижение гражданского мира через обращение к единственному, на взгляд эсеров, источнику прочного правопорядка – демократическому строю и всеобщему избирательному праву. Парламентаризм в эсеровском понимании становился идеальной универсальной системой, представляющей политическую коалицию трудовых и цензовых (буржуазных) общественных элементов, где устремления различных по своей природе социальных групп выражались и учитывались наиболее полно, и тем самым достигалось национальное согласие. Через демократию в форме парламентаризма, по мнению идеологов ПСР, разрешалась и социалистическая перспектива. Всевластие народа, адекватно отражённое в представительной демократии, должно было означать установление диктатуры большинства – трудовых слоёв, но одновременно защищало бы и права меньшинства – эксплуататорских элементов. Тем самым выбивалась почва из-под острейшей социальной конфронтации, загнавшей Россию в тупик гражданской войны.

В парламентской демократии как форме осуществления подлинного на-

* © Азаренков А.А.

родовластия эсеры видели промежуточную “третью силу”, призванную сбалансировать притязания правых и левых экстремистских политических групп на власть, прийти на смену и большевистскому режиму псевдоклассовой диктатуры, неминуемо вырождающемуся в диктатуру партийную, и режимам военно-буржуазной реставрации. В качестве потенциальной социальной базы “третьей силы” выступало крестьянство – большинство населения страны. Система последовательно проведенного народовластия становилась, в понимании эсеров, универсальным способом к закреплению завоеваний народной революции, едва ли не единственным средством обеспечить за деревней ту долю политического влияния, которая соответствовала её численности и удельному весу в хозяйственной жизни России. Только через фетишизируемый парламентаризм достигалось действительное равенство в правах всех трудящихся, рабочих и крестьян, кончалось господство города над деревней.

Одновременно народовластие означало не только обеспечение господства большинства, но и учёт, даже охрану, прав меньшинства – буржуазии. В представительном органе меньшинству отводились функции сдерживания и контроля, что, в теории, должно было обеспечить необходимый для внутреннего мира баланс интересов, поистине всенародный консенсус [1].

К моменту появления идеи дальневосточного “буфера” партия эсеров оказалась расколотой на несколько организационно, идейно и политически самостоятельных групп. В самом конце 1919 г. из её рядов выделилась очередная группировка, хотя и незначительная по численности, которая придерживалась левой ориентации. Вначале она получила название “Автономно-сибирская группа эсеров”, позже (с середины 1920 г.) выступала под флагом “Сибирского союза социалистов-революционеров”. В Сибири и на Дальнем Востоке оказались, таким образом, сразу три “крестьянских” партии: ПСР, ПЛСР (левые эсеры) и Сибсоюз эсеров. Две последние группировки отвергали идею народовластия (парламентаризма), считая её продолжением тактики соглашательства с буржуазией [2]. Единственно возможной формой проведения в жизнь своего идеала – “диктатуры трудящихся” и левые эсеры, и Сибирский союз эсеров считали органы трудовластия – советы [3].

Развернувшееся осенью 1919 г. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке широкое массовое движение “снизу” против колчаковской реставрации и атаманщины ПСР попыталась использовать для осуществления своих политических идеалов народоправства и “чистой” демократии. ЦК ПСР сразу же поддержал идею “буфера”, заявив, что “в связи с международным положением находит целесообразным основание Восточно-Сибирской республики” [4]. Вопрос о “буферной” государственности обсуждался на заседаниях ЦК ПСР 14, 19 и 25 января, 5 и 9 февраля 1920 г. Была установлена постоянная связь полулегально действовавшего в Москве ЦК с сибирским партийным центром и мирной делегацией иркутского демократического правительства – Политцентра [5]. ЦК ПСР одобрил примирительную позицию Политцентра в отношении Советской России. Членам партии разрешалось входить в состав органов “буферной” власти при условии опоры политического курса последней на платформу народоправства. Только в этом случае ЦК ПСР полагал возможным на практике обеспечить единство революционного фронта против реакции и её союзников [6].

В качестве необходимого условия организации подлинно демократического “буфера” эсерами рассматривался созыв полноценного представительного

органа власти, избранного на основе всеобщего избирательного права. Не случайно организация ПСР в Приморье была единственной политической силой, открыто и резко выступившей против восстановления советской формы власти после антиколчаковского переворота 31 января 1920 г., в то время как остальные социалистические партии, и даже левое крыло кадетов тогда не стали противодействовать советизации, хотя, разумеется, и не приветствовали её [7].

Тем не менее, обсудив сделанные большевистскими представителями на межпартийном совещании в Иркутске 24–25 февраля 1920 г. предложения по созданию фиктивно независимого от РСФСР государства, Всесибирский крайком ПСР решил отказаться от участия в создании власти. Было заявлено, что большевистские условия нарушают “требования государственной самостоятельности” “буфера”. В частности, сибирский эсеровский партийный центр посчитал неудовлетворительным как разрешение вопроса о реальной роли “буферной” государственности (отказ большевиков от осуществления принципов полного народовластия и от равноправного партнёрства с социалистами), так и о территориальных границах “буфера” (исключение Иркутска и губернии из территории “буфера”) [8].

6 марта 1920 г. это решение поддержал и ЦК ПСР. В принятой по докладу представителей сибирской делегации ЦК и сибирского крайкома ПСР резолюции отмечалось, что партия “уклоняется от участия в образовании верховной власти” “буферной” государственности. Правда, не исключалось, что “хождение во власть” возможно в дальнейшем, но “только при условии, если государственный правопорядок нового образования будет покоиться на основах полного народовластия и, в частности, на институте всеобщего избирательного права, а само государство не явится орудием как советской власти, так и других держав”. Более того, ЦК ПСР потребовал от Москвы обеспечить ещё и “одновременную” санкцию (т.е. гарантии) других держав, имеющих интересы в регионе, на образование государства-“буфера” [9].

В духе решений своего руководства сибирскими и дальневосточными организациями ПСР были осуществлены практические шаги в сторону отказа от участия в создаваемых большевиками органах власти так называемого Верхнеудинского (Прибайкальского) “буфера”, принявшего наименование “Дальневосточная республика”. Так, неоднократные попытки местных большевиков едва ли не силой поставить прибайкальское областное земство перед необходимостью выполнять во всем объёме функции временной государственной власти ДВР как раз по этой причине провалились. В конце марта 1920 г. сначала эсеры, а затем и меньшевики отозвали своих представителей из земства. “Формы государственности ... надо было строить не только формально, но и фактически формами самодовлеющими, с содержанием внешней и внутренней политики не советским, а широко демократическим, – отмечалось в совместном заявлении двух социалистических партий в Президиум временной земской власти Прибайкалья. – В процессе нашей работы мы убедились, что не так хотят смотреть инициаторы “буфера”, представители партии коммунистов. Они берут на себя руководить политикой “буфера” не только внутри власти, но и извне, из Иркутска, Омска и Москвы... Было бы детским лепетом защищать одну формальную сущность “буфера” без его фактического содержания” [10].

В директиве Всесибирского крайкома ПСР дальневосточным организациям указывалось на необходимость самым решительным образом противиться “буферной” политике Москвы, требовать от большевиков либо создавать одно-

партийную советскую власть, либо соглашаться на условия, предъявленные ЦК ПСР и сибирским эсеровским центром [11]. В беседе с посетившей Россию в мае–июне 1920 г. делегацией британских социалистов идеолог эсеровской партии В.М. Чернов недвусмысленно обвинил большевистское руководство в “измене” и “разложении” “буфера” [12].

Таким образом, руководство партии социалистов-революционеров заняло жёсткую и бескомпромиссную позицию по вопросу о форме и содержании власти создаваемого “буферного” государства. ПСР последовательно отстаивала курс на его полную демократизацию, считая парламентаризм как политическое выражение народовластия единственно приемлемым для “буфера” вариантом государственного устройства. На практике политика эсеров в отношении “буфера” ставила под угрозу срыва начавшийся процесс его государственного оформления. Однако в то же время такая тактика побуждала большевиков к более существенным уступкам в сторону демократизации составлявших “буфер” властных институтов.

Другой социалистической партией, призванной сыграть важную роль в строительстве дальневосточного “буфера”, были социал-демократы (меньшевики). Основопологающим программным положением РСДРП в переустройстве общества на социалистических началах являлось, как и у большевиков, установление классовой пролетарской диктатуры. Но такая диктатура, по мнению меньшевиков, была неотделима от самой широкой, хотя и, в интерпретации руководства РСДРП, “классовой” демократии. Как раз в акценте на последний постулат – особенность “правой” идеологической метаморфозы меньшевизма к концу российской смуты.

Вначале о своеобразном понимании меньшевиками институтов демократии. С одной стороны, базируясь на принципах пролетарской, рабочей демократии, они, как и большевики, утверждали, что сущности пролетарской диктатуры не только не противоречит, а даже, напротив, органически ей соответствует ограничение или даже лишение политических и гражданских прав социальных групп, стоящих вне этой демократии, то есть “нетрудовых” элементов. С другой стороны, меньшевики полагали, что тенденция рабочей демократии заключается не в самозамыкании, не в истреблении и не в превращении в эксплуатируемый класс исключённых из пользования гражданскими и политическими правами побеждённых “классов”, а в их “вовлечении в ассоциацию трудящихся” и, следовательно, в установлении всеобщей универсальной демократии [13].

Неоднозначным было и отношение РСДРП к советской государственной форме, осуществляемой в большевистской России. В тезисах “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии” Всероссийского партийного совещания РСДРП (апрель 1920 г.), с одной стороны, отмечалась “жалкая роль, реакционность или бессилие учредительных собраний и других органов демократии (в том числе и “внеклассовых” учреждений, рождённых в период российской смуты. – А.А.), равно как возможность их использования в качестве лозунгов контрреволюционными силами...” [14]. В условиях продолжавшейся междоусобицы новый созыв Учредительного собрания объявлялся прикрытием реставрации буржуазной контрреволюции. “Для своего осуществления, для действительно свободного и точного выявления и проявления в действии воли народного большинства, демократия трудящихся нуждается в различных но-

вых учреждениях, приспособленных к выполнению задач социалистического преобразования и в то же время являющихся собирателями революционной энергии масс. Такое значение имеют рабочие и крестьянские советы, фабрично-заводские комитеты...” [15].

Однако, с другой стороны, заранее не предreshалась роль, которую в организации новой, послереволюционной демократии могла сыграть каждая из массовых организаций трудящихся. А потому формула построения диктатуры пролетариата на основе только советской системы “должна быть отвергнута в качестве единospасающей панацеи” [16]. Наряду с советами и другими формами, основанными на коллективно-производственном принципе группировки и сильными своей непосредственной связью с промышленностью, “определённое место” в системе пролетарской диктатуры меньшевики отводили и структурам, построенным на принципе территориальной группировки граждан и на прямом избрании своих представителей самим населением. А потому, по мнению лидеров РСДРП, пролетариатом вполне могли быть взяты на вооружение и политические институты, “выработанные на высшей ступени развития буржуазной демократии” [17].

Отвергая стремление правящей в Советской России партии к утверждению пролетарской диктатуры исключительно под флагом советской системы, меньшевики расценивали попытки такого рода как путь к диктатуре меньшинства, к господству одной партии, опирающейся лишь на часть пролетариата, как намерение “решить задачу, для которой весь пролетариат, как класс, оказался ещё в данной стадии революционного процесса не созревшим” [18]. В условиях силового противостояния основными признаками демократии, неотделимыми от социалистической диктатуры рабочего класса, РСДРП считала последовательно, сверху донизу, проведённое народовластие. Тем самым, в понимании партийных идеологов, демократия становилась органической частью диктатуры пролетариата. Демократия (или народовластие) означала оптимальное ограничение полномочий исполнительной власти, сведение к минимуму привилегий должностных лиц административного аппарата, их всеобщую выборность и подотчётность их массам, максимальное развитие самоуправления и минимизацию роли военной и гражданской бюрократии, широкую свободу идейной борьбы и пропаганды политических взглядов [19].

Условия демократического “буфера” открывали перед меньшевиками благоприятные перспективы для более или менее свободной партийной работы и практической реализации собственного идейного и политического багажа. Поэтому социал-демократы приняли активное участие в создании новой государственности, делегировав своих представителей в Политцентр и поддерживав тем самым его народоправческую политическую платформу.

Однако, формально не отказываясь от прежнего партийного курса на создание “единого революционного трудового фронта” и призывая с этой целью к формированию “сверху” политической коалиции социалистических партий и коммунистов без “цензовиков”, в то же время самой логикой долгой и непримиримой политической борьбы с большевизмом меньшевики брали на вооружение эсеровскую идею демократической парламентарной республики. Социал-демократическая политика, теоретически ещё разнившаяся с эсеровской, на Дальнем Востоке оказалась почти тождественной, главным образом в силу общности ближайших, непосредственных задач. Не лишённое оснований опасение оказаться обычной ширмой “красной” Москвы в “буфере” подтолкнуло

меньшевиков к практической поддержке идей народовластия – универсальной демократии и парламентаризма.

Но своего рода “демократический фетишизм” меньшевиков можно объяснить не только их понятным стремлением к максимальному выявлению собственного, отличного от большевистского, партийного “лица”. Парламентаризм, по крайней мере в теории, побуждал всех – и большевиков, и эсеров, и кадетов идти на компромиссы, считаться с реальностью, с мнением политических оппонентов, что, в свою очередь, только способствовало решению основной задачи социал-демократов – установлению “единого трудового фронта” сверху донизу. Однако такая тактика дальневосточных меньшевиков в реальности лишь зеркально отражала логику политической эволюции меньшевистской партии от доктринёрского “чистого” марксизма до либеральной теории универсальной демократии, завершившейся к концу 1922 г. победой в РСДРП так называемой “новой платформы” Ю.О. Мартова [20].

Предложенные большевиками на межпартийном совещании в Иркутске условия создания “буфера”, лишь формально являющегося и самостоятельным, и демократическим, а также явно производная роль ширмы, отводимая в нём социалистам, категорически не устроили меньшевиков. Отказ Всесибирского крайкома ПСР войти в “буферную” власть, сделавший невозможной на том этапе реализацию идеи “единого трудового фронта” – блока социалистов и коммунистов, чуть позже побудил партийный центр социал-демократов – Сибирское областное бюро РСДРП – принять аналогичное решение [21].

Мечты социалистов о демократии в России в очередной раз оказались утопией. А созданный вскоре усилиями Москвы “буфер” – Дальневосточная республика – стал едва прикрытой демократическими формами и политическими декларациями в духе народовластия тактической игрой. Игра закончится сразу, как только изменится военно-политическая ситуация, и большевистская Россия восстановит своё полномочное присутствие в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Резолюции IX Совета ПСР (июнь 1919 г., Москва) “Гражданская война и задачи партии социалистов-революционеров”, “Отношение к большевистской власти”, “О контрреволюционной опасности”. – Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. – М., 2000. Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917 г. – 1925 г. С. 458-462.
- Примечательно, что, призывая “третью силу” к непримиримой борьбе на два фронта, против всякой диктатуры, доктринёрски фетишизируя народовластие и его институты, эсеры в то же время предполагали использовать политическую форму трудовластия – советы – в качестве переходной ступени к народовластию. В резолюции IX Совета ПСР (июнь 1919 г.) “Отношение к большевистской власти”, подчёркивалось, что партия будет “вести борьбу за демократизацию советов, то есть за всяческое расширение и уравнивание избирательного права в советы, за упорядочение самих выборов, за свободу агитации..., а также за уничтожение в них большевистской диктатуры и бюрократии”. – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва; далее – РГАСПИ). Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 29; См. также: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 461.
- Судя по всему, “демократизируемые” советы должны были постепенно трансформироваться в органы парламентского типа.
- [2] Архивохранилище документов общественно-политических организаций и движений Государственного архива Новосибирской области (Новосибирск; далее – АДОПОД ГАНО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 673. Л. 22.
- [3] Протокол заседания Иркутской городской Думы от 10 января 1920 г. – РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 8. Л. 36-36об.; Бюллетень информбюро Политцентра (Иркутск). 1920. 11 января.

№ 7.

- [4] Протокол заседания ЦК ПСР от 25 января 1920 г. – См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 606.
- [5] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 31об., 33-33об., 35-36; См. также: Протоколы заседаний ЦК ПСР от 14 января, 19 января, 25 января, 5 февраля, 9 февраля 1920 г. – Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 604, 605, 606-607, 609, 610-611.
- В извещении ЦК ПСР от 28 января 1920 г. местным партийным организациям отмечалось, что “образование в Восточной Сибири государства-”буфера” с правительством, опирающимся на народовластие, в наибольшей степени обеспечивает скорейшее освобождение Сибири как от японской, так и от всякой иной иноземной оккупации”. Основным (хотя и не единственным!) фронтом новой государственности должен являться, указывалось в документе, “фронт её против разбитой, но ещё не добитой контрреволюции и союзных с нею внешних империалистических хищников”. – РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 35-35об.
- [6] Протокол заседания ЦК ПСР от 25 января 1920 г. – Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 606.
- [7] Информация председателя дальневосточного комитета РКП (б) И.Г. Кушнарёва в ЦК РКП (б) и СНК о положении во Владивостоке после антиколчаковского переворота 31 января 1920 г. (точная дата в документе не указана, подлинник). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 161. Л. 51об.
- [8] Тезисы Всесибирского краевого комитета ПСР “Основные положения по вопросу об образовании “буферного” государства в Восточной Сибири” (март 1920 г., Иркутск). – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (Владивосток; далее – РГИА ДВ). Ф. Р -4676. Оп. 1. Д. 9. Л. 597; Центр документации новейшей истории Иркутской области (Иркутск; далее – ЦДНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 930. Л. 1-1об.
- [9] Резолюция ЦК ПСР по сибирским вопросам от 6 апреля 1920 г. – РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 43об.; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 616-618.
- [10] Заявление членов Президиума временной земской власти Прибайкалья меньшевика И. Пятидесятникова и эсера А. Мехоношина в Президиум временной земской власти. – Архив внешней политики России (Москва; далее – АВП РФ). Ф. 490. Оп. 1. Папка 10. Д. 3. Л. 106-107.
- [11]. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 8. Л. 73.
- [12] Запись беседы В.М. Чернова с членами английской делегации социалистов от 23 июня 1920 г. – РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 65; См. также: Протокол свидания Чернова с членами английской делегации, обнаруженный при аресте члена партии с.-р. т. Гончарова (23 июня 1920 г.). – Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 651.
- [13] Ближайшее к моменту начала создания дальневосточного государства-”буфера” идеологическое обоснование подхода социал-демократов (меньшевиков) к проблеме соотношения пролетарской диктатуры и народовластия (демократии) было дано в документах Всероссийского совещания РСДРП (Москва, 4–14 апреля 1920 г.), что почти совпало по времени с выработкой позиции руководства меньшевистской партии в отношении предложений, сделанных большевистскими представителями И.Н. Смирновым и А.М. Краснощёковым на совещании в Иркутске 24-25 февраля 1920 г. по созданию фиктивно независимого от РСФСР “буферного” политического образования.
- В тезисах совещания “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии” подчёркивалось, что “отрицание за трудящимися классами (не только пролетариатом. – А.А.) права на такое исключение или ограничение (политических и гражданских прав “эксплуататорских” классов. – А.А.) и апелляция против них к абсолютным демократическим идеалам не выдерживает критики”. – См.: Тезисы Всероссийского партийного совещания РСДРП при ЦК. 4–14 апреля 1920 г. “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии” (12 апреля). Раздел “Диктатура и демократия”. – РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 73. Л. 7; Большевики в большевистской России. 1918–1924 / Большевики в 1919–1920 гг. Отв. ред. З. Галили и А. Ненароков. – М., 2000. С. 429.
- Однако, исходя из неразвитости социально-экономических предпосылок для коренных социалистических преобразований в России и недостаточного субъективного восприятия идеи социализма самими трудящимися, в первую очередь крестьянством, социал-демократы увязывали, по их мнению, исторически и логически неизбежные меры “законной революционной самообороны” в виде ограничения или лишения гражданских и политических прав “непроизводительных” групп населения страны со слабостью самой “классовой проле-

тарской диктатуры”.

Поэтому, полагали меньшевистские теоретики, российский рабочий класс и социал-демократия как его политический авангард должны отказаться от форсирования процесса социализации, проводить разрушение старых и строительство новых социальных форм с возможно большей осторожностью и постепенностью. Только такие меры, по мнению меньшевиков, могли гарантировать укрепление диктатуры пролетариата, а также предотвратить реальную опасность вырождения этой диктатуры в “диктатуру убывающего меньшинства”. Отказ от соблазна радикализма в ходе социалистических преобразований устранил бы возможность раскола рабочего класса, избавил пролетариат от необходимости прибегать к рискованным исключительным мерам в отношении к эксплуататорам. Наконец, умеренность процесса преобразований должна была способствовать изживанию внутренней смуты и внешнего вмешательства, установлению гражданского мира.

В тех же тезисах апрельского (1920 г.) Всероссийского партийного совещания РСДРП при ЦК “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии” речь шла и о специфике российского варианта “диктатуры пролетариата”, увязанной с особенностями произошедшей в России революции: “...Что же касается стран, стоящих на более отсталых ступенях экономического развития, где, однако, объективная неизбежность революции создана неспособностью буржуазии восстановить народное хозяйство после опустошений войны и остановить процесс развала старого государства, – то в таких странах ближайшей целью революции может быть лишь раздел власти (выделено в тексте документа. – А.А.) между пролетариатом и другими трудящимися классами (особенно мелким самостоятельным и полусамостоятельным крестьянством), причём руководящая роль в этом союзе обеспечивается за пролетариатом его ...способностью поднять уровень развития производительных сил всей страны”. И далее: “Этот раздел власти составит содержание переходного историческ[ого] периода – до тех пор, пока дальнейшее эконом[ическое] развитие в междунаро[одн]ом масштабе создаст ...предпосылки для диктатуры пролетариата”. – См.: Тезисы Всероссийского партийного совещания РСДРП при ЦК. 4–14 апреля 1920 г. “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии” (12 апреля). Раздел “Политическая революция и диктатура пролетариата”. – РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 73. Л. 7; *Меньшевики в большевистской России...* С. 427.

Подобный подход был продиктован своего рода извлечением уроков из последствий радикальной политики большевистского руководства, обескровившей страну и загнавшей её в тупик казарменного (“военного”) коммунизма, апогей которой пришёлся как раз на 1920 год.

[14] См.: Тезисы Всероссийского партийного совещания РСДРП при ЦК. 4–14 апреля 1920 г. “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии” (12 апреля). Раздел “Диктатура и демократия”. – РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 73. Л. 9-10; *Меньшевики в большевистской России...* С. 431.

[15] Там же. – РГАСПИ... Л. 8-9; *Меньшевики в большевистской России...* С. 430.

[16] Там же. – РГАСПИ... Л. 9-10; *Меньшевики в большевистской России...* С. 430.

[17] Там же. – РГАСПИ... Л. 9; *Меньшевики в большевистской России...* С. 430.

[18] Там же. – РГАСПИ... Л. 10; *Меньшевики в большевистской России...* С. 431.

[19]. Там же. – РГАСПИ... Л. 6; *Меньшевики в большевистской России...* С. 428.

Выступая против вооружённой борьбы с большевистским режимом, меньшевики полагали возможным изживание большевизма изнутри, путём самоорганизации масс. Они надеялись, что сами трудящиеся через профсоюзы и политические партии (включая также и правящую партию) смогут установить подлинную рабочую демократию, действительную диктатуру пролетариата. Именно с этой целью социал-демократическая программа в политической её части была направлена на демократизацию уже существующих институтов трудовластия – советов.

В воззвании ЦК РСДРП к пролетариату России от 12 июля 1919 г. под названием “Что делать?” – по существу, программном манифесте российских социал-демократов – предлагались конкретные меры по установлению реального трудовластия. Они включали расширение избирательного права в советы для всех без исключения трудящихся, обеспечение тайны голосования и свободы предвыборной агитации, периодические перевыборы советов и их исполкомов в точно оговорённые законом сроки, лишение советов права по политическим мотивам исключать из своего состава отдельных депутатов или целые их группы.

Предусматривались де бюрократизация советов всех уровней, восстановление полноценной деятельности ВЦИК советов как высшего законодательного органа и лишение СНК права

вводить в действие какие бы то ни было законодательные акты без предварительного обсуждения и принятия их ВЦИКом. Советы сверху донизу должны были стать постоянно действующими и возможно теснее связанными с массами. За их работой предполагалось установление реального контроля снизу.

Меньшевики ратовали за широкое развитие разнообразных форм самоуправления трудящихся путём создания соответствующих институтов. Все партийные учреждения и ячейки должны были лишиться каких бы то ни было властных полномочий. Ещё одним условием трудовластиа социал-демократы считали реформу судебной системы: введение выборности всех судебных органов самими трудящимися, полную (и формальную, и фактическую) отмену смертной казни и ликвидацию любых независимых от суда органов следствия и расправы, в том числе чрезвычайных комиссий всех уровней.

Наконец, ЦК РСДРП призывал российский пролетариат бороться за восстановление демократических свобод для всех без исключения политических партий и союзов трудящихся. – См.: Воззвание ЦК РСДРП ко всем рабочим и работницам “Что делать?” от 12 июля 1919 г. – РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 63. Л. 7-7об.; Меньшевики в большевистской России... С. 230-237.

[20] 25 октября 1922 г. Бюро ЦК РСДРП постановило распустить все существующие партийные организации и создать новые, уже нелегальные структуры. Находившийся под идейным руководством Ю.О. Мартова и его сторонников “Социалистический вестник” был объявлен центральным органом партии. – РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 84. Л. 25.

Если партийный курс 1918–1921 гг. ориентировал на создание единого социалистическо-коммунистического революционного фронта, то “новая платформа” Мартова видела основную политическую задачу РСДРП в борьбе “всеми средствами организованного массового движения за переход к нормальному режиму демократической республики”. – См.: Выписки П.М. Никифорова из письма члена Дальцентра РСДРП Я.Я. Петровича в газету “Дальневосточный путь”, ЦК РСДРП и “Социалистический вестник”. – РГАСПИ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 67. Л. 33, 39.

[21] Ответная телеграмма ЦК РСДРП от 22 января 1920 г. (рядом с заголовком помета: “Резолюция 22 января 1920 г.”). – См.: Меньшевики в большевистской России... С. 329-330, 856.

A.A. AZARENKOV

DEMOCRATIC DOCTRINAIRES AND THE IDEA OF THE FAR-EASTERN “BUFFER” STATE IN THE LATE 1919 – EARLY 1920: A CHANCE FOR POLITICAL SURVIVAL?

The candidate of Historical Science, associate professor,
Senior research worker of the Amur State University
of Pedagogy and Humanities, Komsomolsk na Amure

The article brings forward the analysis of the ideological directives of the two basic social parties of Russia – Socialist-Revolutionaries and Socialist – Democrats (Mensheviks) at the end of the Russian Civil war. During the period in a separate region of the country – in the Far East – in connection with the idea to build an externally independent from “red” Moscow “buffer” state the “median” grouping seemed to have acquired a perspective to fulfil their political programs. However, the doctrinaire character of the logical and externally inviting intelligent-like projects, the isolation of democratic ideologies from the militant political realia of the country and the mentality of its population, the helplessness of the Socialist-Revolutionaries and Mensheviks in the political and organization spheres once again brought the idea of democracy in Russia to the naturally determined regrettable results. There wasn’t a real alternative to the dictatorship in Russia.

Key words: Far East republic, socialists-revolutionaries, social democrats, democracy, idea of democracy.